

— тонкие линии —
выпуск третий

ольга брагина

**речь похожа
на карманный
фонарик**

Днепр
Герда | 2020

УДК 82-1

Б87

Ольга Брагіна – поэт, прозаик,
переводчик.

Родилась в 1982 году в Киеве.

Окончила факультет переводчиков Киевского национального лингвистического университета. Автор книг «Аппликации» (2011), «Нейм-дроппинг» (2012), «Фоновый свет» (2018). Публикации в изданиях:

«Воздух», «Сноб»,

«Интерпоззия», «Волга»,

«TextOnly», «Парадигма»,

«Цирк 'Олимп' + TV», и др.

Стихи переводились

на английский, польский,

чешский и латышский языки.

но говорю себе: «наша речь похожа на карманный фонарик,
в котором садится батарейка,
дом, в котором хранили слишком много вещей,
а теперь их выносят, укутывая в полиэтилен до запрета
выносить и складывают, никому не нужные, у дверей подъезда
смотри, может быть, кто-то будет проходить мимо
и поворошит их веткой, твои слова полуживые
может быть, они любят кого-то, но зря
все любят кого-то без надежды на счастье»
но говорю себе: «смотри, их последнее августовское тепло дыхания
принимай как ответ, неразборчивый лепет, пенье цикад под балконом,
песни пьющих красное только потому что полезно для сердца
принимай это все как надежду на вечную жизнь
как последний троллейбус ночной, переплет из кожи»
но жизнь – ничто из того, что говорят о ней

старейшая в мире панда Синь Синь моя ровесница
жители зоопарков кто заглядывает в наши окна пока мы скучаем
от невозможности говорить
кто нас кормит плотным воздухом августа на веревочке ведет
туда куда мы не хотим
смотри это погремушка это твой мир нарисованный панда
хромает растет
строит бамбуковый БАМ нет сородичей больше ее
не с кем минувшие дни вспоминать кости белые панды пятнистой
пересчитывает это любовь это бедность а это любовь
мы поедем по детской железной дороге вдвоем на самом деле
мы здесь рядом живем
вот мы выйдем во тьму и пойдем шагом ровным дыханием строгим
кирпичная кладка Китая панда большая
одинокая грустная детская панда земли
ее сюда привезли до рождения ей нужен корм правильный
большой дом мира большой мир мы все ездим по кругу
на самом деле мы даже не знаем друг друга но делаем вид
семафор запинаятся лампочка снова горит панда Синь Синь говорит
что все будет хорошо ей можно верить

время обволакивает целлофановой пленкой, на полки кладет
мы гуляем по темному парку, поскольку лето скоро закончится
не были, в общем, нигде, только дом, магазин,
иногда бар, который поближе к дому
я не знаю этих людей, иногда кто-то здороваётся со мной
я всегда здороваюсь в ответ на всякий случай

мы гуляем по темному парку, конечно, центральная аллея освещена
здесь резвятся дети, падают с фирменных самокатов
дразнят крошек-собак на аллее, где памятник детям таким же
так сломанной жизнью механику не оправдать,
здесь неровная плитка, здесь ровная снова

центральная аллея освещена, конечно, люди гуляют по кругу,
парень рассказывает: «и такое впечатление, что в комнате кто-то есть,
оборачиваешься – и шурхит»
на боковых аллеях мутный свет фонарей,
дети учатся держать равновесие в мире, где равновесие невозможно –

или овраг, или ровная плитка, танец вокруг пустоты,
фонари скрывают венский вальс твоего большого дома
пирожные, из которых сделают кровь
дома, из которых проведут ровные линии
дары природы полей

покупайте закончится скоро как любовь говорят
как наскучивший кофе на столике недопитый
на улицах очень много людей, очень много автомобилей,
очень много всего
нас поставили в центр стола, пока механизм не сломан,
можно вспоминать вальс, можно сочинить рэп,
можно молча раскачиваться из стороны в сторону
того, кто держит тебя за руку, ведут к оврагу
дети с кукольными лицами отрывают руку твою

лето приходится нам безликой родней в третьем колене
слоником, у которого отбит хобот,
мама говорит поэтому у нас неправильный феншуй
радиолой 72-го года, буклетами под названием
«Осенью тоже можно наслаждаться»
мы приходим сюда ночевать, а потом уезжаем, зачем
запирать дверь, в сумерках все холодней, телевизшка мерцает

красные огоньки, мама говорит их первый телевизор «Огонек-2»
сломался на второй день после покупки,
потом тоже все время ломался, сколько его ни чинили
сколько лет мы не смотрим телевизор –
только на НГ единственное исключение
сколько лет никому не верим, даже себе

нет пока что этого запаха осени, вечной любви,
от которой отчаянья пот на холодной коже
нет, пока что ничего нет, все есть
мы гуляем по темному парку, идем домой

вышиванки нет когда-то я купила тебе вышиванку
привезла через границу (с двумя коробками «Вечернего Киева») она оказалась велика ты спрятал ее в шкаф теперь и не знаю что с ней
синяя вышивка такая мы покупали на Подоле
обошли все ряды выбирали долго
война тогда еще не началась (но в Крыму уже прошел референдум)
ты сказал что тебе нужна вышиванка
хотя наверное нет просто так сказал посмотреть что будет
ты даже название долго не мог запомнить называл ее косовороткой
что для тебя было национальное самосознание другой страны
с которым ты решительно отказывался считаться
но делал исключение для таких атрибутов как вышиванка
стопроцентный хлопок и кровь красными цветами узор

наверное дым рассеялся ты спрашиваешь
должны же были хоть на Пасху огонь потушить
к нам пришедший неделю назад
соседи слушали ночью церковную службу онлайн-трансляция
проснулась под нее утром
на улице один собачник без маски и собачка в желтом комбинезоне
мы сидим здесь и думаем эта земля непременно должна воскреснуть
потому что самые темные сумерки перед рассветом
земля равнодушна к нашим надеждам наверное
смерть это часть жизни вот с воскресением все сложнее
наши легкие привыкают к дыму наша кровь привыкает к отсутствию
витамина D мы стареем
у нас нет общих тем для разговоров кроме фотографии чужого кулича
у каждого должна быть надежда
ради которой будешь просыпаться утром
а что дым потушили ты спрашиваешь можно дышать
я разговариваю с собой чтобы не забыть что такое связная речь
иногда записываю выводы
маленькие радости кофе вечером спектакль по произведениям Хармса
Христос воскрес но ты об этом знаешь больше чем я

мама читает советский документальный роман о блокаде
говорит слишком быстро читаю
третьего тома может не хватить до окончания карантина
я спрашиваю ну может быть в третьем томе их разблокируют
она говорит да это подсознание ищет связь
конечно там было намного хуже но эта неопределенность
пробовала читать мемуары Симонова но там все время о том
как плохо в Америке
поэт-антифашист вынужден зарабатывать на жизнь гравюрами
живя в полуторакомнатной квартире
а я не могу собраться с мыслями и дочитать мемуары жены Бальмонта
пока дочитала до того что она встретила князя Урусова
может быть мне не очень интересен Бальмонт
или не очень интересна купеческая среда
в которой росла его будущая жена нет мне все интересно
но собраться с мыслями все равно не могу
прежде такого не было
но и ситуаций таких в нашей жизни не было прежде
в школе нам рассказывали что хлеб это святое
его нельзя выбрасывать
в школе нам рассказывали что книга лучший подарок
в детском саду напоминали о пользе мытья рук
но никто не предвидел опасность
поджидающую как черный лебедь в городском парке
которого хочется покормить хлебом
но кажется нельзя

я еду по дорогам нашей страны до карантина еще несколько лет
до войны еще несколько лет
до нашей любви еще несколько лет до ее окончания еще больше
я слушаю песни которые слушает на радио «Дача» таксист
спрашивает: «а вы приезжаете сюда, в Крым, раз в год и все,
больше никуда?»
с ехидцей такой мол денег нет ни на что другое
не хочется объяснять что я люблю Крым чтобы это не выглядело
оправданием каким-то
но с тех пор не была там больше
до нашего одиночества оставалось еще несколько лет
мы вдыхали воздух морской и надежды всего-то было
что закончится эта зима можно будет выйти из дома и уехать куда-то
мы думали что весь мир принадлежит нам
все песни с незамысловатыми рифмами пишутся для нас
вся история упрощена чтобы нам было спокойней
мы были одиноки на этой дороге петляющей между морем горами
и небом
но думали что слова убережешь способны
тебя отнимут у этой реальности вычеркнут подпись на коммюнике
держишься изо всех сил за поручни чтобы не упасть
она сжимается выталкивает тебя ты ей мешаешь
словно фальшивая нота фальшивящих дачных певцов

с ней больше не договориться сколько ни мой руки
сколько ни вытирай дверные ручки салфеткой
реальность хитрее тебя
я могу сказать что люблю закрытые помещения ночь и скуку
не меньше чем открытые пространства радио в пустоте
равноценное равнодушие поиска смысла во всем что ты видишь
я еду по дорогам нашей страны чтобы на поезд успеть

«Клейст и Генриетта»

Клейст приехал в Берлин 14-го февраля 1810 года
Клеменс Брентано потом вспоминал: «детски добрый, бедный
и замкнутый»
черное поношенное пальто с бархатным воротником
на мемориальной доске отдыхающая после битвы Пентиселея
и его профиль
дважды с разницей в десять лет приходил на берег озера Ванзее
с дамой
и обещал покончить с собой
(во второй раз привел еще и писателя Фуке, который сообщает об этом)
Гете признался, что Клейст всегда внушал ему ужас и отвращение
Пентиселея из одноименной драмы натравила на Ахилла собак
Клейст скитался по разоренной наполеоновскими войнами Германии
приехал в Берлин 14-го февраля 1810 года, когда его по ошибке
объявили умершим
отправил Гете фрагмент трагедии, приписав, что делает это
на коленях собственного сердца
Гете отметил в дневнике, что Клейст добивается варварского
эффекта – смятения чувств
Только Гофман отождествлял свою ученицу Юлию Марк с героиней
драмы «Кетхен из Гейльбронна»
Берлин, по выражению современника, «кишел поэтами»
из-за блокады вино и пиво поднялись в цене, исчез натуральный кофе
даже в лучших ресторанах подавали только морковный

город казался Клейсту чопорным, самодовольным, городом,
где нет места для любви
когда он больше не мог оставаться в завешенной черным драпом
комнате среди чужих вещей,
он бежал по улице, не разбирая дороги, словно под сильным дождем
участвовал в издании антифранцузской газеты –
писал военные фельетоны,
получал криминальные новости из полиции, газета обанкротилась,
как предыдущая
в одном из последних писем кузине он пишет: «клянусь тебе,
я не могу больше жить,
моя душа так изранена, что когда я высовываю свой нос из окна,
мне больно от дневного света»
в одном из предместий, где летом отдыхали берлинцы, Клейст
покончил с собой, застрелив Генриетту Фогель
сухая фраза для криминальной хроники или учебника истории
литературы, что мы знаем о Генриетте Фогель
она была неизлечимо больна, старше Клейста, жила с нелюбимым
мужем, воспитывала девятилетнюю дочь
Клейст писал о ней приятелю: «я обрел подругу, чей дух парит,
как молодой орел,
ей внятна моя печаль, хотя ей по силам осчастливить меня на земле,
она жаждет со мной умереть
сейчас единственная моя отрадная забота – отыскать достаточно
глубокую пропасть, чтобы вместе с ней броситься туда»
они сняли номер в гостинице, пошли в лес к озеру Ванзее
принесли с собой завтрак и кофе, бросали камушки в воду
Клейст выстрелил Генриетте в сердце, потом себе в рот

Генриетта оставила письмо: «всего вам доброго, дорогие друзья, вспоминайте в радости и печали двух необычных людей, которых вскорости ждет великое путешествие в неведомое»
погребение проходило в полной темноте и тишине
в присутствии трех свидетелей – военного советника,
врача и полицейского

мы были беженцами своей страны
музыка школьных дискотек отрывистый пульс не скажешь
почему эта привязь привычки тебя оставляет за партой
экзамен не сдать никогда сердце грустное грустью наполнит
все письма твои все привычки

мы были беженцами своей истории нелюбви
сказок на ночь о том что жизнь и не так здесь прекрасна будет
как герои реклам обещали генсеки былых времен
нет прекрасна конечно же только иной красотой
красота бесполезна когда-то сказали нам так повторяем с тех пор

мы были беженцами красоты истертых дворов
пустых окон с кондиционерами
домашних питомцев на подоконнике
разговоров не обязывающих ни к чему потому что речь бесполезна
говори с нею на равных запутывая следы зачитывая приговоры
так она тебя обманет и приютит в чертогах своей хрущевки
что у тебя болит расскажи что мы создали вместо жизни
расскажи сказку со счастливым финалом

мы были беженцами своей страны не нанесенной на карты ее
эта нежность крапленая эта история жизни
как с ней сладить как ее удержать

нет не оставь милосердием своим не обойди печалью
храни ее вечно под стеклом твоей памяти
фото истертых дворов этот фикус которого след
на другой фотографии всех жаль

мы идем по раскаленной киевской пыли
летних площадок зной пустые страницы для заметок в конце
здесь может быть что угодно все что ты можешь придумать
останется здесь навсегда одиночеством странных страниц
мы идем не глядя друг на друга просто так сложилось
горячий воздух звенит отрывистым пульсом слов

что остается от бывших империй Родина-мать музей

вечной войны

фотографии выживших и убитых

река по которой плывут теплоходы под южный шансон возвращаются

после назад

империя складывается конструктором лего

сколько дней под обломками выжить ты можешь

кровью питаюсь своей памятью сердца

слова заученные наизусть не переставить

империя обволакивает пластиком неба войлоком стен

я не помню этот язык из которого конструировали идентичность

человека толпы

я люблю говорить не может

изобрети новый свой невозможный простой как молчание стен

что остается от бывших империй обломки породы пустой

литания лития прощай моя радость

мы плывем на теплоходе по темной реке чтобы вернуться обратно

на твердую землю ступить уходящую из-под ног небо ища руками

что остается от бывших империй кроме тебя

вскормленного холодом ее смыслов отчаянием ее дворов проходных
силуэтами на стене

на каком языке ты молчишь на лунки ногтей нажимая

отчаявшиеся понять пустоту за кромкой кромешный свет

киосков ночных

не она ли растила тебя как свой корм

холила лелеяла остывшую память колыбельные пела

«женщина возле метро сказала, что красота требует жертв
ее восьмилетняя дочь спросила, чем же тогда красота отличается
от войны»
дети красоты утром штурмуют заплеванную электричку, покупая
кроссворды для огородников
спят стоя, как лошадь, видят море во сне, эта красота никогда
не закончится
твои запястья исполосованы красотой, разорваны властью
эта красота никогда не закончится, убивая тебя
дети красоты морозных бинтов, а ты себя узнаешь хотя бы немного
нет, это ведь не я, у меня была какая-то другая война
утро цвета капель для сердечников, холод на остановке
стройся по двое, отсюда никто не уйдет живым
если что, мы сбежим, ты думаешь, нет, красота отравила твою кровь
заставила бояться, не делать резких движений в темных дворах
выбирать язык глухонемых для свободы
камни брусчатки цвета мертвых камней, письма без обратного адреса
повестки на глянцевого бумаге, мертвые жители городов без войны

в сорок первом году Джон написал для двенадцатилетней Эффи роман «Король Золотой реки», через семь лет состоялась их свадьба
Джон много работал, издал «Камни Венеции»
Эффи создавала изысканную и непринужденную атмосферу в доме
Джон говорил, что ее личность не сформировалась
что женщина, которую он представлял, слишком отличается от той,
которую видит
некоторые исследователи считают, что его отвращали волосы
в сравнении с картинами Ренессанса и античными статуями без
какой-либо растительности на теле
Миллес уговорил Эффи позировать для его картины «Приказ
об освобождении»,
где жена шотландского солдата, арестованного после якобитского
восстания,
держит на руках ребенка и протягивает стражнику приказ
об освобождении мужа, влюбился
во время работы над «Офелией» огонь в обогревателях потух,
Элизабет несколько часов пролежала в ледяной воде,
заболела пневмонией,
ее отец выставил художнику счет за лечение,
но она умерла от туберкулеза и лечения опиатами
Росетти положил в гроб жены рукописи своих поэм, накрыл
их рыжими волосами
спустя семь лет достал их и напечатал сборник

то есть, достал его агент, который потом говорил, что рыжие волосы
продолжали расти, заполнили медными локонами весь гроб, книга
не имела успеха
Эффи заявила в суде, что не может испытать с законным мужем
радости материнства,
этот аргумент был хорошо понятен викторианскому обществу
их развели, Миллес тоже ударился в слезы от растерянности,
но потом у них было восемь детей
Джон вернулся к родителям и влюблялся в девочек
на первом проблеске их рассвета,
после теряя к ним интерес, но с Розой все было по-другому
он сделал ей предложение, когда ему было пятьдесят, ей семнадцать
родители Розы считали его социалистом и атеистом,
обратились к Эффи за подробностями и отказали
через три года Роза умерла в лечебнице от несчастной любви
и анорексии
Джон видел Розу на картинах Карпаччо о жизни святой Урсулы
начал вызывать духов, уединился в имении
Миллес стал самым высокооплачиваемым художником,
перед его смертью королева Виктория смягчилась
и разрешила Эффи участвовать в официальных мероприятиях

в конце этого десятилетия крови и слез, пост-правды
и платежей за отопление
мыслей о том, как успех оказывается поражением и наоборот
мне захотелось написать текст о бедном студенте (кстати,
нигде не написано, на кого он учился,
википедия говорит, что он был исключен из школы за участие
в акциях против властей Австро-Венгрии)
в тюрьме он написал стихи: «наши дети будут ходить по Вене,
бродить по [тюремному] двору и пугать господ»
в конце этого десятилетия крови и слез, крови и хайпа
что нужно сделать, чтобы тебе поставили памятник
на центральной площади твоей страны
когда обо всем забывают так быстро
у меня есть знакомый поэт, который написал о Г. П. лучше, чем я
научись стрелять и выбери правильную цель
мы – дети, объехавшие весь мир, у нас дрожат руки от страха
перед реальностью,
от расплывчатого образа жизни
даже если цель есть, вряд ли ты в нее попадешь, другие могут думать,
что хотят
столько стран превратились в примечание в учебнике истории
столько стихотворений остались одной строкой в википедии
столько жизней сложились в одну смерть,
это не геройство в общем-то –

писать стихи, научиться стрелять, жизнь как таковая
собирая пули для своего музея, будем молчать несколько минут
в википедии на двух языках ничего не сказано о том,
любил ли этот бедный студент кого-нибудь
нет, Сербия женского рода, может быть, смертный человек
не заслуживает любви
об этом сложно судить, не зная, что такое полуавтоматический браунинг,
плохо помня анатомию тел из учебника хирургии
нас не казнят сразу, поэтому мы успеваем поверить,
что эта страна будет свободной, почти как мы

на лекции Кети Чухров говорит, что искусственный интеллект
невозможен,
потому что интеллект – результат взаимодействия людей
человек живет в мире, а не в среде, несмотря на модное слово
«навигация»
это черный ящик, выбираем input, но не знаем, что получим на выходе
мы идем в ресторан-бар «Вавилон», одалживаем последнее меню,
заказываем фасолевый суп, но оказывается, что кухня закрыта
мама говорит когда-то я мечтала прочитать все книги на свете,
когда еще не знала, что в книгах могут написать разную чушь
переизбыток ненужной информации, нужной не хватает
мама говорит выучила триггер RS-типа, теперь пригодился
на лекции через 40 лет
никто не понимал, что говорит преподавательница
по фамилии Храмова,
но тут она произносила слово «перемычка»,
и все оглядывались на девочку, у которой была фамилия Мычка
мы приходим к выводу, что человек – нейрон огромного мозга,
и общение людей – это новые нейронные связи
потом заходим в метро, мама говорит хорошо, что я не пошла учиться
на философа
у ее подружки был двоюродный дядя – философ
пообещал ей пять рублей, чтобы она протерла его книги от пыли
говорили, что никак не мог жениться, потом нашел цыганку
потом вернулся один, привез еще книги
мама говорит зачем я все это помню, словно искусственный интеллект

выходим из кинотеатра, посмотрев «Дожливый день в Нью-Йорке», на улице еще нет смога
(завтра над городом появится облако аммиака, но мы еще об этом не знаем)

пока что думаем – на приусадебных участках жгут листья
выходим после сеанса, на котором было шесть человек
мама говорит чтобы хорошо провести время в Нью-Йорке, нужен их уровень дохода

да, говорю, он там поучился, там бросил колледж, ищет себя
мама говорит играет на пианино, поет на расслабоне
а мы бы поехали туда туристами ни в кафе не зайти нормальное, ни в отель

люди ходят в тумане углекислого газа, передвигаются, словно во сне
если бы Вуди Аллена не было, его следовало бы придумать
но фильм о нашей реальности снял бы Джармуш, наверное
что-нибудь такое мрачно-многозначительное со скрытым смыслом
кто смотрит на тебя из тумана, может быть, там даже нет ничего, кроме твоего страха

или Дэвид Линч снял бы фильм о нашей реальности, или даже Бертон
с детства мрачные сказки были не былью, а чем-то родным для нас
вот Нью-Йорк в стиле ретро пятидесятых не попробовать на вкус,
как дым, выжигающий легкие, мне это чем-то напоминает мазут
но я не настолько хорошо помню раздел о продуктах горения
да, честно говоря, вообще не помню, радовалась, что химия не пригодится в жизни

говорю наверное кто-то поджег торфяники,
чтобы отвлечь мою френд-ленту от митингов, ну а что,
я бы не удивилась
спрашиваю у мамы откуда у нас вообще торфяники
мама говорит дедушка рассказывал во время Голодомора
они ели торф
думала может поехать в Пущу-Водицу, но там ведь листьев еще больше
говорят, на следующей неделе выпадет дождь

когда-то я ездила в Питер сфотографировала стену
с надписью «ничего нет»
недавно мне сказали что на этом месте теперь кафе «Небо»
я ждала знакомого возле метро вдруг подошел мужчина и начал кричать
что я забрала у него паспорт начал кричать верните мне паспорт
наверное моя бордовая шуба ассоциировалась у него с цветом
обложки паспорта
но не будем искать логику там где ее может быть нет
я ушла побыстрее от станции метро подальше от этого мужчины
без паспорта
блуждала среди домов укрытых черной тканью подлежащих
ремонту домов
среди домов украшенных подсветкой зима не туристический сезон
при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна тогда война
еще была в прошлом
в Парк Победы идти поленилась уснула начался дождь
война была мифологическим прошлым хотя мы встретили старушку
пережившую блокаду
которая говорила вот раньше нашим культурным воспитанием
занимались
без предупреждения включали прямую трансляцию из филармонии
я пошла в Русский музей спрашиваю у них где паркет где шторы
а какой построили крематорий он же весь белый
невоспитанная молодежь сели рядом на лавочку не спросили
можно ли сюда сесть
я сочувствую всему украинскому народу вы потеряли такого гения
как Шевченко
мы смотрели на Финский залив цвета морской волны

мы жили зимой в сибирском райцентре, ты украшал телевизор
гирляндами к Новому году
я нашла в твоём книжном шкафу, где все расставлено было
по какому-то специальному принципу,
но было несколько картонных коробок
так вот, в картонной коробке нашла тоненькую книжку о Лето
начала читать, пока все готовились к Новому году
ты спросил ну что ты исполнилась злости и агрессии, пойдём бить
гопников к елке
мы пошли в магазин за шампанским, бутылка чуть не упала тебе
на голову, охранник очень рассердился
потом мы пошли к центральной елке, там, конечно, не было никаких
гопников, там были хипстеры-итальянцы
ты говорил в этом городе нечего делать совсем, здесь только зима,
потом болото
мы возвращались домой, со стороны магазина какой-то парень убежал
от гопников, поскользнулся
гопники кричали что нечего приставать к чужим девушкам
(это в цензурных выражениях)
мы вернулись домой, снова включили «Карнавальную ночь»
вспоминаю все это, сидя на закрытии двора на Ильинской
после финальной распродажи реквизита группы «ХЗВ» и концерта
кто-то включил Лето (тогда в контакте ещё был не запрещён)
я сказала о включите песню про беспонтовый пирожок

утром пошла на мастер-класс известного сценариста,
пока все пили виски
говорили да не нужен тебе сидр, возьми виски
сценарист говорил все нужно успеть до сорока шести
если ничего больше не можете придумать, пишите о своей жизни

мы могли быть персонажами фильма Серебренникова
ходить на протесты, видеть рыбу во сне, спрашивать,
к чему эта рыба во сне,
но понять невозможно и сонники все устарели
мы любим свой район, ходим на выставки современного искусства
говорим ни о чем, но насыщена речь кислородом,
как будто любовь не проходит
долготерпит и помнит тебя, но, конечно, не ждет
так выводит из ада чужих ОВД, пластиковая посуда не бьется,
но мы все равно купим новую
жизнь начинать с нового листа, что напишешь на нем неразборчивым
почерком детства,
то и будет, и все, что зачеркнуто, не вернуть
вернись, говорит, мы все это проработаем с психотерапевтом
у нас будут настоящие партнерские отношения, понимание
и взаимное уважение
два гироскутера и два самоката, с денежным деревом вазон
в мире, где никто никому не нужен, в общем-то, нет других отдушин,
кроме друг друга
только соберись с духом и начни жить,
а не узоры советских ковров оставлять на сетчатке глаза
парки и лесопосадки пройти от и до, помнить пение птиц,
но не помнить их имена
когда началась война, все под землю ушли
там в подземной пыли тайных станций держались за руки и молчали

лето заканчивается, как фильм «Лето», в июле прошлого года мы пили портвейн из граненых стаканов на предпремьерном показе, девушки в белых платьях вечернего кроя делали фото стаканов для блогов своих знаменитости в фотозоне, пережившие славу свою, но еще не совсем, улыбались вспышкам портвейн был, возможно, такой же, как в восьмидесятые, крепче морковного сока когда ничего мы не пили о Цое узнали из надписей этих на стенах и на дверях подъездов потом по радио часто крутили песню про солнце С. сказал, что фильм ему не понравился, я спросила: «он не передает дух времени? я просто его не помню» С. ответил, что передает, но не нравится все равно впрочем, он уехал из этой страны в четырнадцать, потом страны стали разными я попросила «напиши обо мне мемуары», потом мы начали спорить, от чего умер Майк но это потом, сначала я перепутала зал, зашла в vip там сидели несколько зрителей за столиками с шампанским и смотрели тот же фильм, просто еще не видели тот эпизод, на котором я вышла

Алексу Шварцу

ты сказал: «только два человека в жизни поразили меня

ответом на вопрос

«кто твой любимый поэт?»

первый человек – наша учительница в 1988-м году,
которая сказала нам, что ее любимый поэт – Гумилев»

я спросила: «ты знал тогда про Гумилева?»

ты ответил: «конечно, нет.

но Георгий Иванов, Бодлер и Зинаида Гиппиус:

Иванов – плохой поэт, но он сам по себе интересный персонаж.

Бодлер сделал поэзию той, какую мы ее знаем.

а Зинаида Гиппиус – хороший романист.

ты – второй человек, поразивший меня выбором своих любимых поэтов»

мы говорим про «Петербургские зимы» и «Чертову куклу»

Бодлера читала в метро на лавочке среди шумного зала

в школе у нас была учительница литературы,

которая пересказывала нам жития святых

потом сказала, что мы все – демоны

один мальчик (он потом стал программистом и эмигрировал в Канаду)

читал стихи с выражением,

она спросила: «ты, наверно, поэт?»

приснилось, что ходила на лекцию о бюрократии
опоздала, конечно, шла от метро и думала – тут будет
темный переулок в одиннадцать вечера
надо будет найти на лекции компанию, чтобы к метро
возвращаться с кем-то
лекция уже заканчивалась, ее читал Барлиг
(потом проснулась и увидела в фейсбуке, что сегодня
восемь лет дружбы,
раньше никогда Барлиг не снился)
записывали в блокнот смешные примеры (с точки зрения сна
смешные, конечно
например, «записав „Хуан-Карлос VIII”, добавили
„Степанович Коромыслов”»
мне это и во сне не показалось смешным,
но я думала, что, опоздав, что-то важное пропустила
в буклете была программа большого цикла лекций
по истории бюрократии
кто-то устроил скандал, Барлиг пытался его выгнать, я думала о том,
что больше не хочу сюда ходить
мы вышли с лекции затемно, встретили отряд фашистов,
как в советских фильмах про войну
(то есть, конечно, нацистов, которых по привычке ошибочно называют
фашистами)

кто-то сказал, что с 14-го июля они не стреляют,
потом кто-то начал кричать про Муссолини, потом мы катались
на качелях
а все началось с того, что к нам в гости приехали женщины,
и я решила уйти куда-то, например, на лекцию
они искали, что почитать, я как раз читала «Долину кукол»
(в реальности нет)
сказала: «вот хорошая книга, здесь нет ничего заумного, но хорошая,
разве я посоветую плохое»

я иду на лекцию «Мода и симулякр в философии Бодрийара»
захожу в бизнес-центр, поднимаюсь в стеклянном лифте
на четвертый этаж
на рецепции девушка говорит поверните направо, пройдите
в красный коридор
в лифте женщина спрашивает: «а вы кто? мне интересно,
кто пришел на эту лекцию»
девушка отвечает: «я училась на философском»
мы ходим по улице в немарком, неброском
наброском человека, который мог бы быть, если бы следовал моде
не так, как ты,
приобретая постепенно осмысленные черты
симулякром четвертого порядка являясь на свет, пытаюсь
понять кофе-машину
если я другую кнопку нажму, стаканчик сюда подвину,
она подаст знак мне в ответ, обжигая нервные окончания языка
приобретая случайную форму, монеты теряются здесь так легко
мы от речи уснем, не узнаем, что думал философ о моде,
и думал ли он, как беспечная мода людей обнажению смысла верна,
стенкам стеклянного лифта на шесть человек примерно,
повернись вот так

«кино 19-го года»

удивительно, что снимались фильмы с аристократами,
вазами и коврами
в Советской России снимались агитки, где герой прозревал
на Юге продолжали снимать дореволюционное кино, эскапизм,
одни и те же модели
но мы почти ничего не знаем про это кино, потому что не было прессы
в обычной прессе было не до серьезных рецензий,
самое большее анонсы
поэтому мы знаем только названия этих картин, иногда состав актеров
никаких очередей в кадре, расстрелянных членов съемочной группы
были готовы уезжать из Ялты в Константинополь, оттуда в Марсель
Протазанов уехал, потом вернулся
стиль, грим, операторская работа агиток разных сторон очень похожи
комедия заканчивается как зловещая мелодрама,
почувствовали свободу,
смешение жанров, запрещенные сюжеты, звезды немого кино
умирают
афиша оживает, героиня бросается на все белое,
что напоминает экран

на Почтовой площади у метро играют Personal Jesus, думаю,
что я могу назвать своим:

квартиру, полученную родителями в стране,
которая распалась, когда мне не было десяти,
страну, от которой у меня паспорт в синей обложке
мужчин, которые не говорили, что мы друзья,
потому что даже для дружбы не было общих тем
я не хотела принадлежать никому, даже себе не принадлежала
тело, которое не знало, что я хочу от него, сжималось в комок,
чтобы привлекать меньше внимания в пространстве
несколько языков, которые требуют определить, кто родней
я не знаю, в чем смысл, в словах его остается все меньше
я смотрю на темную воду, на горячий лоб капает летний дождь
на разгоряченную зноем дневным кожу
я считаю капли дождя, иду к метро мимо Personal Jesus

Вирджиния Вулф начала вести дневник накануне своего

тридцатисемилетия

то есть ей было столько лет, как мне сейчас
заканчивалась Первая мировая, литература еще никого не спасла,
или спасает только она – я до сих пор не знаю
подробности быта, прочитанные книги, написанные рассказы,

опять война

может быть, в мире есть только текст и война
еще любовь, как основа войны и текста
больше не с кем поговорить, убедиться, что жил не зря,
что слова твои значат что-то, или ничего не значат, но только

поговорить

хотя бы о погоде, если больше не о чем –
грачи прилетели там, акация расцвела, в магазин завезли новое

пальто –

о чем-то простом и вечном
а не то что я не знаю где ты сейчас и не надеюсь узнать
и мой дневник пишется для тебя, просто потому что как воздух
посмотри на этот город, в котором ты не был никогда
мы должны жить здесь вместе, иногда ходить гулять,
но чаще нет, потому что нам не нужен никто кроме друг друга
ты говорил, что это южный город,
но здесь примерно такая же зима, как в твоём
на пару месяцев короче

если бы не война, мы не разлучились бы ни на один день,
это было бы невозможно
но когда мир рушится, кому интересна чья-то любовь,
глупости какие-то
когда мир рушится, под обломками прячет нас,
и не согреться больше

нам говорили пусть никогда больше не будет войны
на праздничных концертах пели о празднике со слезами на глазах,
мы думали, что война осталась в прошлом,
как черно-белая кинохроника или подборка советских фильмов
мы думали – война не имеет к нам отношения, радовались салюту,
который теперь отменен, больше мы не считаем залпы,
понимаем, что война не заканчивается никогда,
как в учебнике философии после фамилии Гоббса
понимаем, что война есть, а победы нет, те, кто видел войну,
не хотят говорить об этом, но дети играют в войну
(в нашем детстве было так, у меня было два пистолета –
один водяной, другой – с пластмассовыми пулями,
еще делали трубочки из бузины, потом появились приставки Dendy)
война есть, а победы нет и не будет
ни за кем она не останется, смотри в зеркало и знай, что мир –
это война

нам говорили никогда не быть миру на этой земле
мир лежит во зле, нужно искать другую, пробовать разные варианты
мы ходили на праздничные концерты под аркой Дружбы народов
думали, что история закончилась, а это был только пролог
история принадлежит тебе, пока ты читаешь
потом не принадлежит ни одной из сторон

мы уедем из Припяти завтра оставим школьную форму
на вырост свою
землю с тонометром это земля с плодородием южных хвощей
теплый дождь за минуту впитала
выбитых стекол и кукол безглазых тоска
это просто музей в лейкемии молочных разводов
карусель скрипит олени спят это их оленья страна
старая проводка никуда ты не поедешь
оставляй тут свои буквари недоученной азбуки счет
мы уедем из Припяти вот только решим куда
земля круглая говорят каждый день говорят одно и то же
наденьте закрытую одежду ничего не трогайте обязательно термос
мы уедем и никогда не вернемся некоторые города
остаются только на фотографиях любителей экстремального туризма
или в памяти тех кто остался но память обманет всех
мы уедем из Припяти завтра повесим замок амбарный на дверь
окна смотрят в пустоту не оборачиваясь
смотрят в твое отражение двоящееся
это пленка испортилась просто разлить проявитель на землю
и здесь еще будет трамвай и детская площадка и магазин
и кукол безглазых сад

я никогда не была во Франции не видела город
о котором можно мечтать всю жизнь словно о химере на крыше собора
языки огня пламенеющей готики вдыхать дым
гарь лесов строительных пустота
незнакомки осадок Сены старые улицы новые улицы
пепел на белых скатертях рисунком Везувием лабиринтов
фильтры поставить достойные этого зарева небо еще подсветить
небо падает на тротуар звезды свет которых еще виден
горящий камень горгулий
влюбленные в черно-белых пальто на крыше за руки взявшись
на город смотрят на фото Париж увидеть
(когда-то эта поговорка была про Неаполь)
но мы не увидим его и наверное будем бессмертны
словно каменные изваяния плоские тени домов коллаж памяти
ложной памяти детских писателей бедности первой любви
Париж стоит мессы говорили они
стоя в очереди покупая билеты для туристов
осматривая тело истории погруженное в раствор слов
я признаюсь тебе что наша жизнь вместе была прекрасна
хотя мы никогда не видели друг друга и не увидим

ты фотографировался возле Notre Dame, говорил: «никогда
не думал, что я,
мальчик из провинции, буду в Париже»
тебя в последний момент пригласили на поэтический фестиваль
вместо иностранного поэта, который не смог приехать
ты был очень благодарен этому поэту
полетел с Кобенковым и его дочерью Варварой
фотографировался возле Notre Dame, потом хранил эти фото
Notre Dame сейчас горит, фото в мусорнике, наверное
ты общался с французом-русистом, он почитал твои верлибры,
с которыми тебя пригласили на фестиваль,
и предложил издать сборник верлибров на французском в его
переводе
а у тебя не было верлибров больше, так что русист был разочарован
я сказала если бы мне предложили такое я бы книгу постаралась
и написала
но ты всегда ждал вдохновения, иногда оно приходило
теперь Notre Dame горит, об этом можно написать текст
ты видел его своими глазами,
поднимался на крышу, фотографировал горгулий
угощал русиста водкой говорил у них только польская дорогая

ты сказала это другие цветы не такие как прежде
изо всех неназванных в ботанических атласах детства
забытых в любовь
можно еще играть бонны играют в карты в саду
от солнца скрывают лица
шапками вверх карты кладут берут еще одну
мы остерегаемся земли
стертых следов старых кладов монет прежней страны
пустот там где прошлое
притворяется тобой проводит по векам рукой
ты спишь ни о чем не зная
бонны играют в карты говорят семерка в парке темнеет
тебе так идет молчание молочная ночь весны
ты сказала это другие цветы
соль похожа на соль мед похож на соль
меж страниц книги спят никакие сны виденные другими
кровь не смущают
горек мед поэзии говорит что с ним делать мне
так ли мы наивны так ли мы печальны
так ли страна наша изрыта оспинами пуль
не те цветы так другие принесут полевые грустные столько
здесь их не перечесть мы не помним названия слов
чем нам утешить себя как попрощаться
ты сказала это она верно будет тепло и сторож

замки нашего детства надежные английские
никуда не свернуть с этой дороги
не пожалеть себя
не собрать гербарий
смотри

мы сидели возле моря пили вино крымское какое-то
я думала вдруг я больше никогда тебя не увижу, так не должно быть
ты рассказывал, что написал роман о бедности,
рядом бодрая музыка дискотек, дым шашлыков
волны плескались о гальку берега
(с тех пор не видела море, но это неважно)

если остаться в раю детской наивности красный мускат на губах
разные страны любовь не может окончиться миром
я думала море будет все так же плескаться без нас
на экскурсии в сотый раз рассказывали о молодой Цветаевой
с камнем на берегу, мы еще увидим море,
будем гулять вдоль набережной, взявшись за руки

под утренним солнцем
я думала, что здесь будет без нас – киоски сувениров на счастье,
павильон восковых фигур, девушки, которые предлагали
сделать фото

с поросенком в пестрой тунике
каждый день мимо них проходила, поросенок на поводке
что нужно человеку, чтобы быть счастливым –
кажется, что у нас всегда чего-то нет –
свободы или общей памяти
помнил ли ты то же самое, что я, или думал о другом,
словно мы попрощались возле автобусной остановки вчера,
и теперь я жду, когда ты напишешь

мы с тобою смотрели советские фильмы, которые часто
шли по телевизору,
одни и те же фильмы, конечно, есть еще канал «Ностальгия»,
еще несколько каналов, названия которых не помню,
но их не было в пакете кабельного телевидения
ты говорил, что «Советский союз был идеальной империей,
жаль, что он развалился, это все из-за вас»
я спрашивала: «ну а кто голосовал за Ельцина», ты отвечал:
«я ошибался,
но в 96-м эти газеты «Не дай бог» во всех ящиках страны»
ты рассказывал, как тебе не дали американскую визу,
и Франции нет той, что прежде, я думала – некуда возвращаться
прошлого не существует – мы каждый день ходили в один
и тот же магазин,
смотрели кино, слушали радио, засыпали
старались пройти в метро, не привлекая внимание полицейских
смотрели видео про дружбу Амура и Тимура, тигра и козленка
пытались написать женский роман, продать его в издательство
и разбогатеть
под песни ушедшего времени вино затирали солью
черно-белые фильмы не заканчивались никогда,
в мире было только два цвета,
без полутонов, в мире была определенность
будущее наступало, захлестывало жесткой водой, снегом,
сбиваемым с крыш,
нежностью без возврата

в августе 2006-го мне стало плохо в музее Достоевского
потемнело в глазах закружилась голова стало совсем темно
быстро вышла на лестничную площадку из комнаты
где умер Достоевский
экскурсовод_ка в платке длинной юбке очень красочно
рассказывала про эмфизему
села на ступеньки так и ждала пока свет вернется
экскурсовод_ка пришла спросила: «плохо тебе, сердешная?»
до этого мы были в музее Серебряного века в Автово,
в Адмиралтействе
жили в гостинице с памятником Чернышевского напротив окон
иногда шел мелкий дождь фотографировались возле «Авроры»
внутри не пустили там как раз снимали фильм «Адмирал» с Хабенским
покупали открытки чашки с разводными мостами камень
пришли в «Макдональдс» в полпервого ночи
там закончилась картошка фри остался один бургер
экскурсовод_ка рассказывала о том как к Достоевскому
приходила молодежь
обсуждать насущные проблемы современности
я сфотографировала все комнаты столовую детскую хотя у нас
еще не было фейсбука
у меня даже не было жж или был но ничего там не писала
показала фотографии на работе мне сказали:
«какой у вас там был хороший номер в гостинице»
возле метро ходили персонажи Достоевского
им освобождали часть скамейки говорили садитесь

все столики в кафе на День влюбленных заняты
я иду на открытие выставки Ройтбурда перепутала двор, где галерея
там кафе у дверей молодежь говорит мест нет
я вижу, что это не галерея, иду дальше
мы здороваемся фотографируемся смотрим картины
ты говоришь это супрематизм
я говорю какой супрематизм супрематизм это квадраты
ты говоришь ну посмотри не квадрат так овал
я говорю если выложить эти картины могут забанить в фейсбуке
мы снова фотографируемся идем гулять
по дороге встречаю знакомого художника
он спрашивает: «ну что там, серьезные люди на фоне картин?
я хочу это видеть»
я говорю что мы идем гулять может быть еще вернемся
мы идем на Софиевскую площадь
я спрашиваю неужели не выпьешь вина на фоне
гостиницы Intercontinental
ну еще у меня есть пиво «Магдебургское», взяла новый сорт
попробовать
ты говоришь к нам придет Пласидо Доминго
я говорю даже не знаю кто должен приехать,
чтобы меня это заинтересовало
мы идем в креветочную, где тоже нет свободных мест
ты берешь кофе на вынос насыпаешь две ложечки сахара
мы возвращаемся во двор, где галерея
я рассказываю, что креветок варят с лавровым листом и лимоном

ты рассказываешь, что в юности переодевался в женское платье,
как князь Феликс Юсупов, и ездил в метро
нужно было только гладко побриться
в галерее выключают свет, люди расходятся по домам

мы сидим в клубе, на столе принесенная из магазина бутылка
перцовки, поэт из Крыма
просит зеркальце, чтобы посмотреть, идут ли ему очки
в черной пластмассовой оправе
протягиваю зеркальце, говорю смотри оно с Коктебелем
купила в 2012-м на рынке сувениров на набережной
потом тоже решила примерить очки, сказала нет дужки
не держатся на ушах, так и не узнала,
что мне идет, люди разговаривают о том, что им неинтересно
поэт из Крыма говорит, что был два года женат, потом развелся –
чтобы поддержать беседу
почему молчание называется неловким
мне оно всегда нравилось больше слов
в него можно вложить что угодно
слова нас и так преследуют даже во сне просыпаешься и не помнишь
люди говорят о вещах, которые им неинтересны
слушают слова, оставленные в прошлом, как набережная в Коктебеле
что там сейчас – может быть, даже ничего не изменилось,
только на рынке сувениров чашки с портретом президента
другой страны
тогда там очень много строили, в последний свой приезд
я наконец-то сняла номер в Доме писателя,
почувствовала себя писателем, думала, что приеду на следующий год,
куплю еще какой-нибудь магнитик или зеркальце
говорила не уезжай, ты говорил увидимся здесь через год
на самом деле мы увиделись через несколько месяцев в другой стране
ты говорил «у вас война», зеркальце оказалось прочнее

приснилось, что у нас в школе выпускной,
а мне заказали эссе по философии
(потом оказалось, что это разводка, не заплатили)
наши поэты учились в той же школе, собрались идти в паб
я сказала, что мне нужно дописать статью и я приду через час,
перезвоню переспросить дорогу
села на лавочке во дворе и начала писать о концепциях
восприятия реальности
не то чтобы я хорошо разбиралась в этой теме без интернета
хватило на несколько страниц текста почему-то зеленой ручкой
вокруг было так много людей не у кого было попросить синюю
все радовались свободе пили ром-колу из-под полы
наверное это сон о синдроме самозванца
за эссе впрочем не заплатили ведь
так что моя совесть во сне чиста сказали что это такая шутка
когда-то я начиталась Пелевина и хотела быть солипсистом
смотрела на фрукты на рынке убеждала себя что их тут нет
только боль заставляет думать что мы существуем
и цвет ручки в общем тоже неважен
я взяла на этот раз синюю на чьей-то кисти руки
написала «главное – это любовь»
потом вспомнила про текст дописала это же в тексте
размышлений о том чего нет
пошла искать паб проснулась

мама рассказывала когда выпал первый снег мне был
год и два месяца
вышла на улицу в зимнем комбинезоне
увидела что весь двор нашей хрущевки укрыт чем-то белым
и побежала обратно вверх по лестнице никогда не видела снега
потом чтобы заставить меня гулять каждый день шли
в магазин игрушек
покупали каких-то пластмассовых лис советской промышленности
резиновых обезьян
обезьяне я проколола уши надела позолоченные сережки в форме
сердечка
кукле оторвала голову чтобы посмотреть что внутри
у меня был кукольный дом игрушечный уютюжок сервиз
с вишенкой брошка-паук
бусы искусственный жемчуг распался по комнате весь
разлетелся лежал под кроватью
стены хрущевки все время кто-то сверлил я слушала детские сказки
смотрела в окно там не было снега

мы ездили на Измайловский рынок смотреть старые подсвечники
чугунные утюги советские значки общества обучения плаванию
разложенные на асфальте
продавцы старых чайников сидели группами за прилавком
пили коньяк
смотрели на нас с подозрением
мне не хотелось держать дома чужие старые вещи
вешать значки общества плавания в общем я не умею плавать
все попытки научиться прошли даром
эта картонная декорация дворец из фантиков новая земля
мы ездили покупать пиратский dvd «Безумный Макс – 4»
я хотела купить чехол для смартфона
но оказалось что это чехлы для айфонов определенных моделей
потом ели крошку-картошку смотрели этот пиратский dvd
у меня была короткая юбка в крупный цветок бледные ноги
непонимание того что дальше делать с хламом накопившегося
отсутствия
старых советских значков с фигуркой уплывающей вдаль

мы родились в стране которой давно нет накануне свободы
строили замки песочные думали что наша жизнь
будет похожа на жизнь наших родителей институт работа семья
оказалось что все может рухнуть быстрее чем замок смытый прибором
что жизнь меняется со скоростью картинки в калейдоскопе
если ты будешь вертеться как волк с корзиной
в конце тебе обещают мультик но его еще никто никогда не видел
мы родились в стране которой давно нет но ее тень закрывает солнце
фантомной болью тревожит детей
которые могли быть нашими детьми но нет это чужие дети
прошлое или будущее не все ли равно на этом отрезке системы
координат

мы видим только линию с которой некуда свернуть
песок поднимается летит нам в глаза скрипит на зубах
мы строили зная что мир исчезнет через миллиард лет или завтра
с нашей любовью происходит то же самое
мы родились в стране которой нет
наша улица переименована с фамилии советского придворного поэта
на фамилию украинского расстрелянного поэта
мы постоянно участвуем в садистском эксперименте
который финансирует кто-то но даже кино не сняли
сними кино о своей жизни день за днем
тут ничего не должно происходить

мы родились в стране от которой руины ДК
и заводов тяжелой промышленности остались
там живут призраки или висят фотографии других руин такая вот
рекурсия
когда я иду по улице я не знаю человек ли передо мной человек ли я
пусть цифровые носители информации помнят то что забываем мы
ярким световым пятном в глазах ты смотришь мультфильм который
тебе обещали
ничего кроме скуки не чувствуя мы родились в стране
которая не выносила сама себя строя и разрушая
кажется это называется избегающий тип привязанности
мы не знаем как научиться любить это только страх
мы родились в стране которой нужно было от тебя все никаких
отговорок
мало что там застали кроме серых стен и пьяных мужиков
на детской площадке
но если человеку нужно было от тебя все ты радовалась что нужна
мы родились в стране ложных лозунгов двоемыслия стенгазету
делали в институте
я вырезала женский портрет 19-го века из журнала «Единственная»
и процитировала Пастернака стихотворение про самую суть

Брагина Ольга

Б87 Речь похожа на карманный фонарик. – Днепр: Герда, 2020. – 56 с., серия «Тонкие линии».

ISBN 978-617-7639-47-2

В четвертую книгу стихотворений украинской русскоязычной поэтессы вошли тексты 2019–2020 гг., в которых переплетаются синхронная и диахронная реальности в попытке осознания трехмерной картины бытия.

УДК 82-1

Літературно-художнє видання

БРАГИНА Ольга

МОВА СХОЖА НА КИШЕНЬКОВИЙ ЛІХТАРИК

(російською мовою)

Упорядник серії «Тонкі лінії» Станіслав Бельський

Дизайн обкладинки Сергій Синоптик

Фото на обкладинці Таня Некрасова

Макет та верстка Misheal_D

Формат 60x90/16. Папір офсетний. Гарнітура MetaCyrRoman

Друк цифровий. Ум. друк. арк. 3,0. Тираж 150 прим.

Замовлення № 47/20

Видавництво «Герда» 49000, м. Дніпро, пр. Д. Яворницького, 60

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №397 від 03.04.2001 р.

book-shop.in.ua

ISBN 978-617-7639-47-2

Поэтическая серия

«Тонкие линии»

Сергей Синоптик

«Нужное зачеркнуть»

2020

Максим Бородин

«Осторожно стекло»

2020

Ольга Брагина

«Речь похожа на карманный фонарик»

2020